

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Л. В. Парахонько (Бельцы, ПУ «ТЛ имени Н. В. Гоголя»)

ТАВТОЛОГИЯ И ПЛЕОНАЗМ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ДАЧНИКИ» (на материале оригинального и переводного дискурсов)

Данная статья посвящена изучению тавтологии и плеоназма в структуре художественного дискурса. Анализируются релевантные дифференциальные признаки и функции описываемых типов многословия, на основе которых делается вывод об их самостоятельности. Признается нормативность использования данных явлений, учитывается антропоцентрический подход, позволяющий определить их прагматические характеристики.

Возникновение и бурное развитие теории коммуникации и информации как составной части любой сферы человеческого познания позволили сформировать представление об обязательной ориентации процессов коммуникации на ситуацию общения, а именно на участников коммуникативного акта, место и время проведения речевого процесса, т.е. дискурса.

Это значит, что языковые средства в условиях контекста выстраивают партитурный характер речевой цепи, являются антропоцентричными, коммуникативно опосредованными и культурно значимыми. Поэтому предметом исследований отечественных и зарубежных языковедов становятся тавтология и плеоназм.

Роль и функции данных языковых явлений в лингвистике неоднозначны: с одной стороны, тавтологию и плеоназм рассматривают как речевую ошибку, с другой – как концепт, когницию, ментальное образование.

Именно этим обстоятельством обусловлена **актуальность** данного исследования: рассмотрение тавтологии и плеоназма как гносеологического образа (определение значения знака).

Данным положением мотивирована **цель** нашего исследования – изучить исследуемые типы семантической избыточности в рассказе А. П. Чехова «Дачники» (на материале оригинального и переводного дискурсов) и определить их прагматические характеристики.

Необходимо отметить, что под плеоназмом следует понимать избыточность, которая состоит в намеренном или ненамеренном, полном или частичном дублировании компонентов высказывания посредством разнокоренных («нетождественных») лексем (своя автобиография, вернуться обратно) или грамматических форм (белая роза), а также отсутствие семантической и стилистической нагрузки одного из компонентов высказывания [1, с. 158].

Термин *тавтология*, в свою очередь, имеет «широкое» и «узкое» значение. «Широкое» понимание включает в поле тавтологии не только однокоренные сцепления, но и синонимические пары слов (путь-дорога). В «узком» понимании этот оборот речи основан на воспроизведении одной и той же мысли посредством однокоренных лексем или словоформ. Лингвистическая тавтология характеризуется обязательным дублированием: компоненты тавтологической единицы вступают при этом в гипонимические отношения [2, с. 9].

Итак, проанализируем полисемию плеоназма и тавтологии, выявим их различные имплицитные (скрытые) компоненты значения на материале рассказа А. Чехова «Дачники».

Открывает рассказ «Дачники» лексический повтор (тавтология) категории состояния «хорошо», который способствует формированию усилительной коннотативной семантики: описывает благодушное состояние супругов, их удовлетворение уединением: «Как **хорошо**, Саша, как **хорошо!** – говорила жена» [3, с. 177].

Английский эквивалент «*How **beautiful** it is, Sasha, how **beautiful!**» murmured the young wife» [4, с. 1] сохраняет эту вторичную функцию оригинала, но происходит расхождение в смыслах – больше актуализируется (в сравнении с русской лексемой ‘хорошо’) внешний аспект, материальный мир объективной реальности супругов. Эмотивность создается созерцанием красоты. Об этом свидетельствует дефиниция лексемы *beautiful*: *having beauty; pleasing to the senses or to the mind*, что буквально означает ‘красота, приятная для чувств и души’ [5, p. 122].*

В обсуждении меню на ужин в «Дачниках» возникает дуплет лексемы *цыпленок*, который актуализирует значение ‘жить вдвоем’. При этом важно отметить, что данная денотативно-сигнификативная сема сопровождается определительным значением, квалитативом (‘довольство сложившейся жизнью’). Однако эта прагматическая характеристика не выводится из значения мотивирующего слова *цыпленок*, а из двух коммуникем: «Окрошку и *цыпленка*... *Цыпленка* нам на двоих довольно» [3, с. 177].

В переводе «*Chicken and salad. ... It's a **chicken** just big enough for two...*» [4, с. 2] данная функция атрибутива сохраняется, но не совсем точно передается действительность. Вместо лексемы ‘окрошка’ употребляется слово *salad*, что создает подмену реалий. Как известно, окрошка – это традиционное блюдо национальной русской кухни, холодный суп. А салат – холодное блюдо, приготавливаемое, как правило, из смеси различных овощей. Данное положение подтверждает словарная дефиниция лексемы ‘salad’ [5, с. 1341]: *a mixture of raw vegetables* (букв. ‘смесь сырых овощей’). Таким образом, обнаруживается асимметричность в английской языковой картине мира, лакунарность – значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой.

Компоненты тавтологической единицы *одиночество, одинокой* развивают полисемию коннотаций. Персонифицируя луну, проводится параллель между психологическим состоянием и переживаниями небесного тела и Варвары, персонажем рассказа. Концентрируя внимание читателя на *одиночестве* луны, которая впоследствии наделяется антропоморфными чертами, актуализируется счастье главной героини. Так, создается эмотивный диссонанс, информативно восполняющий предикат: «Луна, точно табаку понюхала, спряталась за облако. Людское счастье напомнило ей об ее **одиночестве, одинокой** постели за лесами и долами...» [3, с. 177].

В английском варианте «*The moon as though she had taken a pinch of snuff hid her face behind a cloud. Human happiness reminded her of her own loneliness, of her solitary couch beyond the hills and dales*» [4, с. 2] реализуется данная полисемия коннотаций, однако повторы *loneliness, of her solitary* здесь функционируют не как тавтология, а как плеоназм. Таким образом, по данным Оксфордского словаря лексема *loneliness* [5, p. 905] означает *a feeling of being unhappy because you have no friends or people to talk to*, т.е. ‘быть несчастным по причине отсутствия друзей или других людей, а также невозможности поговорить с ними’.

Лексема *solitary* [5, p. 1457], в свою очередь, имеет следующую дефиницию: *alone, with no other people or things around*, т.е. 'безлюдный, одинокий'. Возможно, это объясняется спецификой деривационной системы английского языка.

Кроме этого, плеонастические единицы интенсифицируют одиночество луны, делают его более выразительным (по сравнению с оригиналом), следовательно, и счастье Варвары.

Дублирование междометия *ax* и словоформ лексемы *Варя* создает «наложение» смыслов, способствующее формированию усилительной коннотативной семантики (*огромная радость встречи родственников*). Необходимо отметить, что данное значение мотивируется цепочкой предикативных единиц: «*Ах! Ах!* – *послышалось из одного вагона. – Варя с мужем вышла нас встретить! Вот они! Варенька!.. Варечка! Ах!*» [3, с. 177].

Английский эквивалент передает адъективную функцию оригинала, однако усилительный элемент коннотативной семантики несколько нивелируется из-за отсутствия тавтологических единиц-денуминативов: «*Look! look!*» *they heard from one of the carriages. «Varya and Sasha have come to meet us! There they are! . . . Varya! . . . Varya. . . . Look!»* [4, с. 2]. Вероятно, данное обстоятельство объясняется аналитической природой английской языковой системы.

Кроме этого, замена междометия *ax* на глагол визуального восприятия *look* [5, p. 908] 'смотреть' не в полной мере передает экспрессию оригинального текста.

Повтор (тавтология) словоформы местоимения *все* в сочетании с существительным *выводок* развивает атрибутивное значение, совмещая его с обстоятельственным временным значением (как долго?) в данном контексте: «*Все к тебе, всем выводком, и денька на три, на четыре*» [3, с. 177–178]. Таким образом, формируется контаминация следующих значений: приезд абсолютно всех родственников и на неограниченный период времени.

Английский текст почти полностью воссоздает коммуникативную ситуацию оригинала: «*We're all here, the whole troop of us, just for three or four days*» [4, с. 2]. Однако употребление лексемы *troop* вместо русской лексемы *выводок* в определенной степени разрывает родственные связи между супругами и их гостями.

Так, слово *выводок* означает 'птены или детеныши млекопитающих, живущие еще с матерью', т.е. акцентируется значимость понятия *семья*.

А лексема *troop* [5, p. 1641], в свою очередь, имеет следующий сигнификат (понятийное содержание): (*of a group of people*) *come or go together or in large numbers*, т.е. 'группа, толпа людей'.

Во фразе «*Нет, к тебе! – отвечала она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой*» [3, с. 178] встречается иллюстрация плеоназма, которая выполняет функцию уточняющего обстоятельства (отвечала каким образом?) и усилительную функцию атрибутива – подчеркивается недовольство героини рассказа. Тем самым раскрывается значение предиката. Следовательно, реализуется и предикативная функция.

Необходимо отметить, что актуализация скрытых компонентов семантики связана с функцией неморфологизованного члена предложения, имплицитной предикацией.

Английский эквивалент «*No, it's you,*» *answered Varya, pale with anger*» [4, с. 2] практически выполняет те же функции, что и оригинал. Однако интенсифицирующий характер эмотивности снижается из-за отсутствия одного

из компонентов плеоназма. Таким образом, происходит компрессия, принцип действия которой заключается в опущении в тексте перевода единиц, не являющихся важными для адекватного перевода текста.

Следующий пример плеоназма демонстрирует образование атрибутивной функции на основе энантиосемии: «*Саша отвернулся, чтобы скрыть от гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и сказал, придавая голосу радостное, благодушное выражение...*» [3, с. 178].

Английский вариант сохраняет принцип создания определительного значения оригинала, однако из-за усечения текста, его компрессии теряется усилительный коннотативный элемент: «*Sasha, turning his head away to hide his angry despairing face, struggled to give a note of cordial welcome to his voice as he said*» [4, с. 2] (букв. 'Саша, отворачивая голову, чтобы скрыть свое сердитое отчаянное лицо, изо всех сил пытался придать своему голосу нотки сердечного приветствия'). Более того, лексема *a note* [5, р. 1037] 'нотка' (частичный эквивалент, стилистически маркированный) создает квалификативную литоту, что снижает усилия Саши скрыть свое возмущение. Это противоречит оригиналу.

Таким образом, в структуре художественного текста тавтология и плеоназм могут рассматриваться не только как отступление от норм, но и как обладающие особой спецификой: способностью выполнять стилистические и семантические функции. При этом подчеркивается целостность данных элементов семантической избыточности с текстом, которая служит для словесного выражения единицы мышления. Так, актуализируется их психологическая основа, формирующая коммуникацию. А это значит, что употребление данных лингвистических явлений может быть нормативным, особенно если учитываются контекст и прагматический аспект.

Также необходимо отметить, что не всегда единицы, репрезентирующие тавтологию и плеоназм, одинаково функционируют в рамках русского и английского художественного дискурса. Это связано с тем, что для каждого языка существует определенный тип грамматического мышления – логоцентризм, имеющий основное назначение в процессе языковой коммуникации и сигнификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалёва, Т. А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект / Т. А. Ковалёва // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 4 – С. 158–163.
2. Крапотина, Т. Г. Фразеологизация синтаксических связей в устойчивых сочетаниях тавтологического типа / автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Г. Крапотина. – М., 1996. – С. 9.
3. Чехов, А. П. Рассказы и повести / А. П. Чехов. – М. : Правда, 1984. – 576 с.
4. Гарнетт, К. Произведения Чехова на английском языке [Электронный ресурс] / К. Гарнетт, М. Фелл. – Производство Cloud Mountain Productions, 2014. – Режим доступа : <http://chekhov.ucoz.ru/index/0-2>. – Дата доступа : 31.03.2019.
5. *Oxford Learner's Dictionaries* / Chief Editor S. Wehmeier – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1780 p.

The given article is devoted to the study of tautology and pleonasm in the structure of the fiction discourse. The relevant differential features and functions of the described types of redundancy are analyzed. On its basis the conclusion about their independence is made. The norm of using these phenomena is recognized, the anthropocentric approach is taken into account, which allows determining their pragmatic characteristics.